

КОНКОРДИЯ
АНТАРОВА

Книга 2

ДВЕ
ЖИЗНИ

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Конкордия Евгеньевна Антарова

Две жизни. Книга 2

Серия «Золотой фонд эзотерики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73502098

Конкордия Антарова. Две жизни. Часть 1: Эксмо; Москва; 2025

ISBN 978-5-04-243477-8

Аннотация

"Книга, которая зажигает сердца" – самый частый отзыв читателей не одного поколения любителей литературных открытий. В романе изложены основы философско-эзотерических знаний и психологических закономерностей духовного развития человека.

Борьба добра и зла, магии, погони и преследования, интриги и любовь – этот роман вобрал в себя все, что пробуждает воображение и сознание. Главный герой не чародей из фэнтези, а ученик духовных Учителей Востока. Знания, которые он получает от них, принесут реальную практическую пользу каждому читателю.

Содержание

Глава 17	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Конкордия Антарова
Две жизни
Часть 1. Книга 2

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2025

Глава 17

Начало новой жизни Жанны и князя

Море было тихо, едва плескались волны. Для Константинополя погода была необычайно прохладная, что капитан объяснял влиянием бури. Он говорил, что множество мелких и крупных судов было разбито бурей, а пропавших лодок и рыбаков до сих пор сосчитать не могут.

– Да, Лёвушка, героическими усилиями моей команды и беззаветной храбростью твоей и твоего брата много счастливых спаслись на моём пароходе. И мы с тобой сегодня наслаждаемся этой феерической панорамой, – сказал капитан, указывая рукой на сказочно красивый город, – а сколько людей сюда не добрались. Вот и угадай свою судьбу за час вперёд, и скажи когда-нибудь, что ты счастлив, думая о завтрашнем дне. Выходит, я прав, когда говорю, что мы живём один раз и надо жить только мгновением и ловить его, это драгоценное летящее мгновение счастья.

– Да, – ответил я. – Я тоже раньше думал, что смысл жизни в том, чтобы искать всюду только своё личное счастье. Но с тех пор, как я ближе понял моих новых друзей, я понял, что счастье жить – не в личном счастье, а в таком самообладании, когда человек сам может приносить людям радость и

мир. Так же как и вы, Иллофиллион говорит о ценности вот этого самого летящего мгновения. Но он понимает под этим умение воспринимать сразу весь мир, всех окружающих, и трудиться для них и с ними, сознавая себя единицей всей Вселенной. Я ещё мало понимаю его. Но во мне уже зазвучали новые ноты; сердце моё открылось для любви. Я точно окончил какой-то особенный университет, благодаря которому стал понимать каждый новый день как духовную школу. Я перестал думать о том, что ждёт меня в жизни вообще. А раньше я всё жил мыслями о том, что будет со мной через десять лет.

– Да, мои университеты много хуже твоих, Лёвушка, – ответил капитан. – Я все живу днем завтрашним или уже прошедшим, так как моё настоящее меня не удовлетворяет и не пленяет. Сейчас я часто думаю о Гурзуфе и мечтаю встретить Лизу. Настоящее я как-то не умею достаточно ценить.

Пользуясь тем, что наши матросы не понимают французского языка, мы продолжали беседу, изредка прерывая её, чтобы полюбоваться красотами и отдельными зданиями и куполами мечетей и дворцов, которые мне называл капитан, отлично знавший город.

Наше довольно долгое путешествие приходило к концу, когда мои мысли вернулись к Жанне.

– Ваш глубокий поклон великому страданию Жанны не выходит у меня из головы, – сказал я.

– Бедная женщина, девочка-мать! Так много вопросов

предстоит ей решить за своих малюток. Так важно правильно воспитать человека с самого детства. А что может Жанна сделать для детей? Ведь она сама ничего не знает и не сумеет прочитать ни одной книжки о воспитании, потому что ничего в ней не поймёт, – задумчиво сказал капитан.

– И мы с вами мало поймём в тех книгах, которые написал человек, стоящий на более высокой ступени развития, чем мы сами. Всё зависит от тех вибраций сердца и мысли, которыми живёт сам человек. Понять можно только что-нибудь созвучное себе. И такой общий всем язык, объединяющий бедуина и европейца, негра и англичанина, святую и разбойника, есть. Это язык любви и красоты. Жанна может любить своих детей, любить не животной любовью, как свою плоть и кровь, но как личностей, гордясь или страдая от их достоинств или пороков, – заступился я за Жанну.

– Но пока она может любить их только как свой долг, как свой урок жизни. И пока её сознание примет свою жизнь, как предназначенные только ей обстоятельства, неизбежные, единственные, посланные во всём мире ей одной, а не кому-то другому, пройдёт много времени. И только тогда в её душе не будет места ни ропоту, ни слезам, а будет готовность к радостному труду и благословению, – отвечал мне капитан.

Я уставился на него, забыв обо всём на свете. Лицо его было нежно, и доброта лилась из глаз. Чарующая волна нежности прошла из моего сердца к нему.

– Как необходимо вам встретиться с Флорентийцем, –

пробормотал я. – Или, по крайней мере, поговорить очень серьёзно с Иллофиллионом. Я ничего не знаю, но – простите, простите меня, мальчишку перед вами, вашими достоинствами и опытом – мне кажется, что и у вас в голове и сердце такая же каша, как у меня.

Капитан весело рассмеялся.

– Bravo, брависсимо, Лёвушка! Если у тебя каша, то у меня форменная размазня, даже кисель. Я сам всё ищу случая поговорить с твоим загадочным Иллофиллионом, да всё мне не удаётся. Вот мы и добрались, – добавил он, отдав матросам приказание плыть к берегу и пристать к концу мола.

Мы вышли из лодки и в сопровождении верзилы стали подниматься к городу. Вскоре мы были уже на месте и издали увидели, как вся компания наших друзей вошла в дом.

Мы нагнали их в передней. Ко всеобщему удивлению, квартира оказалась хорошо меблированной. Из передней, светлой, с большим окном, обставленной вроде приёмной, дверь вела в большую комнату вроде гостиной в турецком стиле.

Строганов объяснял Жанне, как он мыслит устроить прилавков и стеклянные витрины для готовых шляп, а также перьев, цветов и лент, чтобы покупательницы могли оценить талант и изысканный вкус Жанны и сразу выбрать понравившиеся им вещи.

За большой комнатой было ещё помещение для мастерской, где стояли два длинных стола и откуда вела дверь в се-

ни чёрного хода.

Дети Жанны вцепились в меня сразу же, но Иллофиллион запретил мне их поднимать на руки. Они надулись и утешились только тогда, когда верзила посадил их обоих на свои гигантские плечи и вынес во двор дома и сад, где находился небольшой фонтан и стояло несколько больших восточных сосудов с длинным узким горлом.

Осмотрев ни жнее помещение, мы снова вышли в переднюю и по железной винтовой лестнице поднялись на второй этаж.

Здесь были три небольшие комнаты. Одна из них была обставлена как столовая; в другой стояли две детские новенькие кровати и диван; в третьей стояло великолепное зеркало в светлой раме, широкий турецкий диван и несколько кресел.

У Жанны побежали слёзы по щекам. Она снова протянула обе руки Строганову и тихо сказала:

– Вы вчера преподали мне ценнейший урок, говоря, что побеждает тот, кто начинает своё дело легко. Сегодня же вы показали мне на деле, как вы добры, как просто вы сделали всё, чтобы помочь мне легко начать моё дело. Я никогда не забуду вашей доброты и постараюсь отплатить вам всем, чем только смогу. Вы навсегда сделали меня вашей преданной слугой за одни эти детские прелестные кровати, о которых я и мечтать не смела.

– Это пустяки, мадам, я хотел давно уже обставить этот

домик, так как говорил вам, что я здесь родился и ценю его за воспоминания и уроки жизни, полученные здесь. Я очень рад хорошему случаю приготовить его для трудящейся женщины и её детей. А, вот и дочь моя, – продолжал Строганов, двигаясь навстречу поднимавшейся по лестнице женской фигуре.

Перед нами стояла закутанная в чёрный шёлковый плащ, со спущенным на лицо черным покрывалом высокая женская фигура.

– Ну вот, это моя дочь Анна, – сказал он, обращаясь к Жанне. – Вы – Жанна, она – Анна, хорошо было бы, если бы вы подружились и «благодать» царила бы в вашей мастерской, – продолжал он смеясь. – Ведь Анна значит по-гречески благодать. Она очень покладистого и доброго характера, моя любимая благодать.

Анна откинула с лица своё чёрное покрывало, и... мы с капитаном так и замерли от удивления и восторга. Нам предстали бледное, овальное лицо с огромными чёрными глазами, чёрные косы, лежавшие по плечам и спускавшиеся ниже талии, чудесные улыбающиеся губы и белые, как фарфор, зубы. Протягивая Жанне красивую белую руку, Анна сказала приятным низким и мягким голосом:

– Мой отец очень хочет, чтобы я научилась трудиться не только головой, но и руками. Я несколько лет сопротивлялась его воле. Но на этот раз, узнав, что моей учительницей будет женщина с детьми, перенёсшая страшное горе, я ра-

достно и легко согласилась, даже сама не знаю почему. Не могу сказать, чтобы меня пленяли шляпы и дамы, – продолжала Анна смеясь, – но что-то интуитивно говорит мне, что здесь я буду полезна.

Её французская речь была чиста и правильна. Она сбросила глухой плащ и оказалась в простом, но элегантном белом шёлковом платье и чёрных лакированных туфельках, необыкновенно маленьких для её высокого роста.

Не знаю, длинными ли косами, крошечными ли туфельками, стройностью ли фигуры или какой-то особенной элегантностью манер, но чем-то Анна напомнила мне Наль. Я не удержался и прошептал: «Наль, Наль».

– Что такое? Что ты говоришь? – тихо спросил меня капитан.

Иллофиллион взял меня под руку и спросил тоже:

– Лёвушка, что ты шепчешь? Это не Наль, а Анна. Приди в себя и не осрамысь, когда нас будут ей представлять. Руки не целуй и жди, пока она сама протянет тебе руку. А то, пожалуйста, ты ещё задрожешь, как от встречи с Хавой, – улыбнулся он мне.

– Шехерезада; вся моя жизнь теперь сказка, а женщины – феи, – сказал капитан. – Но кто же был тот, кого любила эта Афина Паллада, если она до сих пор верна его памяти? Можно отдать полжизни, чтобы быть любимым одну ночь такой женщиной.

Отец знакомил Анну со всеми. Она внимательно смотре-

ла каждому в глаза, слегка улыбаясь и подавая руку, но истинное внимание её привлекли дети, ехавшие наверх на верзиле. Анна подошла к детям, протягивая им руки. Малышки смотрели на неё во все глаза; девочка потрогала её косы и спросила:

– Почему ты, тётя, такая чёрная? Тебя покрасили сажей?

– Нет, – засмеялась Анна. – Меня мой отец наградил таким чёрным цветом волос. Но скоро я буду седая, и ты моих кос перестанешь бояться.

Наконец очередь дошла и до нас.

Первым был представлен капитан, который низко поклонился и пожал протянутую ему руку, глядя прямо в лицо Анны, глаза которой на этот раз были опущены вниз; на щеках её разлился лёгкий румянец, и мне показалось, что на нём мелькнуло выражение досады.

На Иллофиллиона Анна взглянула пристально, и её чёрные глаза вспыхнули точно факелы.

– Вы тот друг Ананды, конечно, о котором он мне писал в последнем письме? Я очень счастлива встретить вас. Надеюсь, что до приезда Ананды вы окажете честь нашему дому и посетите нас.

– Я буду очень счастлив навестить вас, если ваш отец ничего не имеет против, – ответил Иллофиллион.

– Вы думаете, что моя турецкая внешность имеет что-либо общее с восточным воспитанием? Уверяю вас, нет. Более свободолюбивого и отзывчивого отца не найти во всём ми-

ре. Это первый мой, да и всех моих сестёр и братьев, друг и помощник. Каждый из нас совершенно свободен в выборе своих знакомств. Единственно, чего не терпит мой отец, – это жизни без работы. Я одна из всей семьи всё ещё не зарабатываю денег. Но теперь и я поняла, что мне необходимо общаться с людьми, внося свой посильный труд в каждый будний день, – говорила Анна, пользуясь тем, что Жанна и её отец продолжали осмотр спален.

– Разрешите мне представить вам моего двоюродного брата Лёвушку Т., – сказал Иллофиллион. – Он, как и я, друг Ананды и Флорентийца, о котором думает день и ночь, – прибавил Иллофиллион, выдвигая меня несколько вперёд. – Быть может, вы позволите нам вместе навестить вас; мы с ним почти не разлучаемся, так как Лёвушка немного нездоров сейчас.

– Я буду очень рада видеть вас обоих у себя, – любезно ответила Анна, протягивая мне руку, которую я слегка пожал.

– А, попались, молодой человек, – услышал я позади себя голос Строганова. – Анна, наверное, уже почуяла в вас писателя. Она ведь и сама неплохая поэтесса. Пишет для детей сказки прекрасно, но не соглашается их печатать. Но её произведения всё же очень известны в Константинополе. Держу пари, что она уже вас околдовала. Только вы ей не верьте, она вроде как бы без сердца.

– Отец, ты так сконфузил молодого писателя – если он действительно писатель, – что он тебе, несомненно, ото-

мстит, описав тебя по крайней мере в качестве константинопольской достопримечательности, – сказала Анна, громко, но очень мелодично рассмеявшись.

К ней подошла Жанна, обе женщины отошли к окну, и о чём они говорили, я не знаю. Анна стояла к нам в профиль, и мы все четверо смотрели на неё.

Мне вспомнился благоухающий вечер в саду городского дома Али, вспомнились тёмные, но не чёрные косы Наль, её зелёные глаза и три других мужских лица, смотревших на неё неотрывно с совершенно разными выражениями.

Так и сейчас – капитан напряжённо смотрел на Анну и видел в ней только физическое очарование гармоничных форм. Знакомое мне выражение хищника светилось в его жёлтых глазах, он напоминал тигра, следящего за добычей.

На лице Иллофиллиона было выражение мягкости и доброты, точно он благословлял Анну, и у меня мелькнуло в сознании: «благодать».

Отец смотрел на Анну задумчиво и печально, точно он страдал от какой-то тайной боли своей дочери, которой не мог помочь и которая бредила его сердце.

Я же весь пылал. В голове моей мелькали мысли, точно волны кипя и наскაკивая друг на друга. Я мысленно видел Ананду возле высокой фигуры Анны и думал, что никто и не мог быть избран ею, если она близко знала такого обаятельного красавца с глазами-звёздами.

Я забыл обо всём на свете; я видел только Ананду, вспо-

минал его необычайный голос, и вдруг этот голос зазвенел у меня в ушах: «Не всякая любовь связывает плоть людей. Но плоха та любовь, что связывает рабски их дух. То будет истинной любовью, где все способности и таланты раскрываются к творческой деятельности, где освобождается дух человека».

Иллюзия слуха была так сильна, что я невольно бросился вперёд, чтобы увидеть Ананду из окна. Но железная рука Иллофиллиона меня крепко держала.

Капитан повернулся на произведённый мною шум.

– Вам дурно, Лёвушка! Как вы бледны! Здесь душно, поедemте домой, – сказал он, беря меня под руку с другой стороны и нежно стараясь меня увести.

Жанна услышала последние слова капитана, быстро подошла ко мне со словами:

– Не уходите, Лёвушка.

Но, увидев мою бледность, покачала головой и тихо прибавила:

– Какая я эгоистка! Только о себе думаю. Вам необходимо ехать домой. Вы очень страдаете?

Я не мог выговорить ни слова, какая-то судорога сжала мне горло. Иллофиллион ответил Жанне, что сейчас капитан отведёт меня домой, а вечером я смогу пообедать с нею, если она освободится к семи часам, – мы будем ждать её в моей комнате. Сам же он, Иллофиллион – если она разрешит, – примет участие в её делах по обустройству квартиры.

Тут вмешались всё время молчавшие турки, старик Строганов и Анна, категорически протестуя против участия Иллофиллиона в этом деле и уверяя, что они всё сделают сами.

Мы простились со всей компанией и, сопровождаемые верзилкой, который передал Жанне детей, вышли втроем на улицу.

Иллофиллион хотел проводить меня до лодки, но капитан предложил ему посидеть со мною на скамье, пока он с верзилкой сделает одно маленькое дело очень неподалеку от дома.

Я был рад посидеть в тени и побыть с Иллофиллионом. Я попросил его дать мне укрепляющую пилюлю Али, но он ответил мне, что никакие пилюли сейчас мне не помогут.

– Есть люди, Лёвушка, которые слышат и видят то, чего не могут ни слышать, ни видеть сотни и тысячи людей. Они одарены особой способностью – внутренним зрением и слухом, которые действуют на иной частоте вибраций, чем обычные зрение и слух, свойственные большинству людей. Ты имеешь этот дар – слышать и видеть на расстоянии – и принимаешь его за галлюцинации и последствия твоей рассеянности. Если бы не этот удар по темени, твои духовные способности развивались бы нормально. Теперь же весь твой организм, а особенно спинной мозг, потрясены так сильно, что та огненная энергия, которая находится в каждом человеке в скрытом состоянии, вырвалась наружу и разорвала все преграды, лежащие на её пути, обострив все твои духовные силы. Когда ты восстановишься от потрясения, я подробнее

объясню тебе всё то, о чём говорю сейчас вскользь. Я хочу только, чтобы ты понял, что ты не болен, не сходишь с ума, а просто в тебе преждевременно раскрылись к восприятию духовно-психические способности, гораздо более значительные, чем те, к которым ты привык до сих пор. Соблюдай спокойствие. Больше лежи и всеми силами старайся не раздражаться. Никому ни слова о том, о чём мы сейчас говорили, – прибавил он, видя подходивших к нам капитана и верзилу.

Зрелище, представившееся нам, было довольно необычно, и издали я никак не мог понять, что такое к нам приближается. Но Иллофиллион начал сразу же смеяться и сказал мне:

– Ну, поздравляю, Лёвушка. Теперь ты поедешь по Константинополю в роли гаремной красавицы.

Теперь и я мог рассмотреть большой паланкин с опущенными занавесками, который несли два огромных турка. Я так возмутился, так затопал ногами, что Иллофиллион, весело смеявшийся за минуту, схватил меня обеими руками, усадил и очень серьёзно сказал мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.